

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ТРАДИЦИОННОЙ ДУНГАНСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНЕ

В. Л. РИФТИН

Дунганский фольклор является одной из малоизученных областей дунганской культуры. Кроме этнографических статей Ф. Поиркова¹, касающихся обрядовой поэзии, приложения к статье А. Шамова и В. Цибузгина², содержащего тридцать загадок, две поговорки и несколько народных анекдотов, а также выпущенных в послевоенные годы двух изданий дунганских народных сказок, нет почти никаких материалов по этому вопросу. В Китае же раньше фольклор дунган отродья вообще не изучался.

Работа основана на материалах, собранных автором по время трех экспедиций к дунганам Киргизской и Казахской ССР, проведенных по заданию кафедры китайской филологии Ленинградского государственного университета им. Л. М. Ломоносова. Первая поездка была совершена летом 1951 г. в дунганский колхоз им. М. В. Фрунзе в село Милияфан³ Кантского района Фрунзенской области Киргизской ССР; вторая — летом 1953 г. в села Милияфан и Прык Киргизской ССР и в села Шор-Тобе и Каракууз Курдайского района Джамбулской области Казахской ССР; третья — летом 1954 г. по тем же местам, что и в 1953 г. Большинство материалов записано нами в селе Милияфан, где автор работал в строительной бригаде в колхозе им. М. В. Фрунзе. Записи произведены в присутствии членов бригады (14 человек), что обычно способствовало точности записи и выяснению неясных мест. При сборе фольклора особое внимание обращалось на те жанры народного творчества дунган, которые совершенно не были известны ранее. К таким жанрам принадлежат старинные дунганские народные песни, краткое описание которых мы и даем в настоящей работе.

В статье приводятся образцы лиро-эпических, лирических, бытовых песен, даются образцы трудовой песни, плача и некоторых других видов дунганского песенного искусства.

Песни, будучи одним из самых популярных жанров устного народного творчества, представляют большой интерес для изучения материальной и духовной жизни дунган. Песни (по-дунгански — *чэзы*) исполняются под аккомпанемент старинных музыкальных инструментов: санцинь (кит. саньсянь), ёнчина (кит. янчзинь), хучинзы (кит.

хуцзинь)⁴. По словам дунганского поэта Ясыра Шивазы, у дунган раньше существовал религиозный запрет на пение и танцы. Но если религия могла запретить дунганам танцевать, то запрет петь был обойден. Дунгане обычно пели дома, и уследить за этим, конечно, не мог ни один мулла. Вот почему до сих пор дунгане, хотя и очень любят пение, никогда не поют на улице, как это принято у других народов, например, у русских или украинцев.

Старинные дунганские лиро-эпические песни рисуют жизнь дунган в феодальном Китае и могут считаться в известной мере историческими. Среди них одной из наиболее старых является широко распространенная среди дунган и китайцев песня о Мэн Цзянь-ной (девушка из семей Мын и Цзян) осмысленная по-дунгански как Мын Жа-нцз в русской транскрипции Мын Чжянь-ной, т. е. девушка из семьи Мын. Действие происходит при династии Цинь (246—210 гг. до н. э.). Эпоха Цзянь была временем объединения всего Китая в единое, централизованное государство. Этот период в истории страны связан с проведением гигантских строительных работ; в частности, тогда началось сооружение Великой китайской стены, на строительство которой были согнаны сотни тысяч крестьян. Люди умирали от голода и непосильной работы. И память об этой далекой эпохе навеки сохранилась в сердце народа. Записанная нами песня рассказывает о девушке Мын Чжянь-ной, которую в двенадцать лет выдали замуж за Фан Хун-лэна (в пекинском произношении — Фань Хун-лянь). Вскоре император Цинь Ши-хуанди объявил мобилизацию людей на постройку Великой Китайской стены, и Хун-лэна забрали на работу.

Эрйуэни доле, лумыр кэ,

Второй месяц пришел, открывается
калитка,

Чинлиди лүшоп фўзы лэ,

По дальней дороге пришло письмо,

Фўзы мэ ще беги зы,

В письме написано только о том,

Дуан ше води чинжын далэ Чончын.

Как замуровали в стену моего любимого.

Следующие куплеты песни рисуют безутешное горе молодой женщины, которая стоит ароматные свечи⁵ в храме богини Нёнён⁶, прося вернуть ей мужа. Но ничто не помогает, и Мын Чжянь-ной плачет:

Вўйуэни доле, лўдуан ён.

Пятый месяц пришел — Праздник дра-
кона.

Щихэ ванни дан фи, луй
жюкжон,

Из бухты западной реки ношу воду, вся
в слезах.

Бочў лангар кў йнчон,

Держусь за перила и плачу,

Бў кў води лозы,

Но оплакиваю моего отца,

Бў кў води лён,

Не оплакиваю мою мать,

Дуан кў води нанжын

Только плачу о моем муже

Фан Хун-лэнь, щинлон.

Фан Хун-лэне, молодом муже.

Мын Чжянь-ной идет искать мужа и, так и не найдя, умирает. Образ Мын Чжянь-ной живет в народе и сейчас как символ жены, которая остается верной мужу даже после его смерти. Печальная история этой женщины легла в основу известной китайской народной драмы «За десять тысяч ли ищет мужа» (Вань лиг синь фу)⁷.

⁴ Описание и фотографии этих инструментов см. в статье китайского музыковедца Ли Юань-пина «Советская музыка», 1954, № 10, стр. 128—134.

⁵ Ароматные свечи (*шэнь*) зажигают при исполнении некоторых религиозных обрядов.

⁶ Нёнён (пек. *няньнян*) — протонародное название богини Гуаньшэнь.

⁷ Китайская фольклористика 20-х годов нашего столетия очень много занималась изучением сказаний и песен о Мэн Цзянь-ной. Первым обратил внимание на этот сюжет историк и фольклорист Гу Цзе-ган, автор «Исследования истории о Мэн Цзянь-ной» 顧頌剛 • 孟姜女故事研究集, вып. 1, 2, 3. Кантон, 1928), где он рассматривает главным

¹ Ф. Поирков. Сватовство дунган. «Этнографическое обозрение», 1900, № 2.

² А. Шамова и В. Цибузгина. Заметки о жизни дунган с. Каракууз. «Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», 1909, вып. 4.

³ Милияфан — искаженная форма дунганского названия Милёнчан — Долина риса.

События излагаются в песне в форме куплетов, каждый из которых начинается с названия месяца. Подобная форма, известная в китайском литературоведении как *май юэ синчжи*⁸ форма каждого месяца⁹ присуща вообще старым китайским и дунганским народным песням. Она, несомненно, отражает психологию крестьянина, жизнь которого тесно связана с природой, с сезонами и временами года. Поэтому в первой строчке куплета после упоминания месяца следует или краткое описание природы в данное время года (например, *жэюйцзи нэ лыпхан тин* 'в десятом месяце холодные дни') или же названия народных праздников, связанных с солнечным календарем (например, *эрдэци луэ тэ ту* 'во втором месяце дракон поднимает голову'; так обозначалось второе число второго месяца лунного китайского календаря, что соответствует 21 марта по григорианскому календарю, т. е. дню весеннего равноденствия).

Зачатки формы изложил событий по месяцам можно найти еще в древнекитайской «Книге песен» («Шинцзи»), где имеются песни, в которой описываются сельскохозяйственные работы по месяцам принятого тогда календаря⁸. Впоследствии форма изложения утратила непосредственную связь с сезонами сельскохозяйственных работ, стала абстрактной. Она сохраняется в виде зачина во многих народных песнях, которые обычно состоят из двенадцати куплетов. В дунганской песне, как и в китайской, подобный зачин несколько архаичен: дело в том, что такие слова как *жэюйцзи* 'январь' и *лайцэ* 'декабрь', вытеснены в современном языке словами *йэйцэ* 'первый месяц' и *шэюйцэ* 'двенадцатый месяц'. Старые же названия, в особенности *лайцэ*, перешли в разряд эмоциональных средств устной народной поэзии и живут в основном только в языке народных песен. Для поддержания в песне определенного числа слогов (как правило — семь) употребляется «пустое», незначащее *ло* (ср. китайское «пустое» *лай буйн*, 'приходить').

К эпическим песням можно отнести также большую поему «Встреча в беседе» (Хуагин цэйжын), в которой рассказывается о событиях времен эпохи Тан⁹.

Сюжет песни типичен для большинства жанров устного народного творчества дунган и китайцев. Зарождается этот сюжет в эпоху Тан, когда при императоре Тайцзун (около 600 г.) была окончательно установлена система государственных экзаменов для кандидатов на чиновничьи должности. Многие из чиновников, выдержавшие высшие ступени экзаменов, назначались на крупные посты и оставались в столице, где жили вдоволь, забывая о своей прежней семье. Так сама жизнь подсадила литературу и фольклору сюжет о покинутой жене, отправляющейся в столицу искать неблагодарного мужа. Аналогичная история легла и в основу записанной нами песни.

Герой песни студент Го Вып-чжюй с помощью своей жены подготовился к экзаменам для кандидатов на государственные должности. Блестяще сдав экзамены, он получил должность при дворе и женился вволю. Его первая жена Чжон Мэй-ин, так и не дожидаясь мужа, решила отправиться в столицу на розыски. Придя туда, Чжон Мэй-ин, неузнанная, поступила к нему в дом в качестве служанки. Центральный эпизод песни — это драматическая встреча мужа и неузнанной жены, изложенная в форме вопросов и ответов. Постепенно Го Вып-чжюй начинает догадываться, что перед ним покинутая Чжон Мэй-ин. И когда сомнений не остается, он бросается перед ней на колени и просит у нее прощенья. Этой сценой и кончается песня.

Подобный же эпизод составляет основу народной драмы «Чын Шы-ми не узнает первую жену» («Чын Шы-ми буй жынцянчич») в Китае известна под названием «Цинь

образом вопрос о том, как на протяжении веков изменялся характер произведений о Мэн Цзян-шуй. В настоящее время вышел том материалов, в котором собраны произведения о Мэн Цзян-шуй, начиная с эпохи Тан (618—907) (см. 路工·孟姜女万里寻夫集 *Лу Гуи. Мэн Цзян-шуй за десять тысяч ли ищет мужа. Шанхай, 1955).*

⁸ «Шинцзи», раздел Бинь, песнь первая. Русский подстрочный перевод см. в «Примечаниях на третий выпуск китайской хрестоматии профессора Васильева», литорг. СПб., 1882, стр. 146—153.

⁹ Записана нами от жители села Каракууз 82-летнего Мацзило, который является большим знатоком дунганской народной поэзии.

Сян-лянь»), песня из которой записана нами в селе Милияньфан от полевода Хавама. Действие пьесы относится ко времени эпохи Сун (960—1279); в песне говорится о голоде, постигшем провинцию Шаньдун, где жила семья героя.

Сан нян доле, сан нян хан,
Жэин лю нян мэ шу, жуян хан,

Прошло три года, все три года засуха,
Целых шесть лет не снимали урожая,
засохли засеянные поля,
В Шуньдуне умерла с голодом моя свекровь

Зэ Сандун вэсьле вэди пэмү,
Жэю вэди помүвэн сун зэ фынчя.

Проводила до могилы ее.

Тудынди жындя мэ ломэ,
Эрдынди жындя мэ лёншы,

Самые богатые продают старых клещей,
Победнее продают хлеб,

Сандынди чэжын мэ са мэ,
Шу лашо эрцэ ба чян мэ.

Самому бедному нечего продать.
За руку ведет детей, чтобы за деньги

продать.

Дунганскими песенными материалами, отражающими события эпох Юань и Мин, мы не располагаем. Перейдем непосредственно к песням, которые могут быть отнесены ко времени эпохи Цин (1644—1911).

Восстание китайских мусульман 1862—1877 г., известное в истории как дунганское восстание, вызвало подъем устного народного творчества. Были созданы песни, в которых рассказывается о борьбе правительственных войск с повстанцами. Примером может служить записанная в селе Милияньфан от бригадира строительной бригады Даузуова Хувазы песня «Мятеж» (Зофан):

Сань эни лэ, сы чинмин.

Третий месяц — ясный свет¹¹.

За бин лин зэ Бийджинчян,
Бийджин чыншо мэ зачү йин,
Чынтудэлин за да йин.

[Начальник Го] ведет солдат в Пекин.
В самом Пекине не становится лагерем;
[За городом] в Чэнтудэли разбивают его.

Затем говорится:

Шэй цзыин лэ лыпхан тин,
Пинор ланли буй жэ хан,
Дузыин вү шы, да лынжан,
Дема эр жын буйды туаньшан.

В десятом месяце холодные дни
Порвались шубы, не спасают от холода.
В животе пусто, и пробирает дрожь,
Видно отец и мать не дождутся счастливого возвращения.

Песня подробно говорит о трудностях жизни маньчжурских солдат, посланных на подавление дунганского восстания. Надо думать, что песня была сложена солдатами, которых насильно гнали на эту войну. От солдат эта песня перешла к повстанцам, которых, видимо, импонировало то, что в песне рисовалось тяжелое положение правительственных войск. Упоминающийся в песне начальник Го (в пекинском произношении — Гао), но свидетельству китайских фольклористов, это — генерал-губернатор Гао Лян-шэн, расправлявшийся с повстанцами.

Эта песня, имеющая у дунган два названия: «Мятеж» и «Начальник Го ведет войска» (Го дажын лин бин), широко известна и в Китае, где распространена и среди дунган и среди китайцев, но, как правило, под вторым названием. Впервые она была записана ван Оостом и опубликована им в 1912 г.¹² Ван Оост дал текст в латинской транскрипции и перевод на французский язык. В записанном им варианте гораздо больше несных мест, чем в других. В приведенную им песню включены, по видимому, куплеты из еще каких-то старинных солдатских песен. Так, например, в ней упоминается битва под столицей Ханчжоу, а Ханчжоу была столицей только при династии Суу

¹⁰ Жэин (пек. цзин) — сохранившийся только в языке фольклора предлог средневекового китайского языка, соответствует современному *ба*.

¹¹ Чинмин (ясный свет) — название пятого сезона сельскохозяйственного года. Сезон этот начинается с 5 апреля, с праздника поминовения усопших.

¹² Van Oost. Chansons populaires chinoises de la région sud des Ortos, «Anthropos» 1912, n. 190—193.

с 1127 по 1276 г. На китайском языке песня была опубликована фольклористом Сю Лилем в 1953 г. в «Сборнике народных песен старого освобожденного района Шэньси—Ганьсу—Нинся»¹³. В сборнике помещены три куплета из песни, по которым можно судить, что этот вариант имеет большую социальную направленность. В песне говорится, что маньчжурское, цинское государство натравливает один народ на другой: китайцев на дунган и дунган на китайцев.

В исторических песнях дунган часто рассказывается о вреде, приносимом курением опиума. Несомненный интерес представляет песня «Десять не должны» (Шы буге)¹⁴.

Жунгуйди сы сы йингуй хэ,
Та ба япни-ян жинди гун лэ,
Япни-ян бынсы йинсүхуа на,
Хэ жыи би хан-ян куэ.

Жуошякхан чуян, йи буге,

Та ба тади жуопня пайи жлаэ,
Яи бу жуи жуошяк, эр буге жуи ца,

Та ё жуи йинсүхуа пянди кэ.

Дуфужан чуи, сан буге,

Та ба тади вышон, сыфу чван буге на,

Хожён сы сминжу тудуи мэ,

Данг эли тади чичуи, шонян, хо жынцэ.

Чумыр жыи¹⁵ чуян, шы буге,

Жэ мэ жыи то фан зу сылаэ,

Пуй мэ пуй, га мэ га,

Хи еван па зэ гуме то,

Ту диха жынди бангэзы лан тукэ,

Шыны диха пуди бангэзы лан кудэ,

Кожигэзы ли зуй эрдуи бан,

Хожёнсы худди, буге дунган,

Хожён сыли, чи буге дунган,

Туй йичи, ян йифан,

Зуй фимыи, доли гумын гуан,

Гуде санган, сан дян бан,

Англия — во всем Китае вредит
Тем, что опиум в Китай ввозит.

Опиум — это просто сок опийного мака,
А людям вреда принесит больше, чем
мышьяк.

Крестьянин курит опиум — вот один,
который не должен,

Он свое поле с трудом засеивает,
Во-первых, не сеет зерно, во-вторых,
но сажает опией.

Он хочет повсюду сеять опиумный мак.

Студент курит опиум — вот третий, кото-
рый не должен,

Он свои сочинения и классические книги
(четвероникские) совсем не любит.

Как будто закапывает в землю жемчуг,
свечицы в ночи,

Пропали его молодость и его талант.

Бедняк курит опиум — вот десятый,
который не должен,

Каждый день ходит повсюду в поисках
милостыни,

И постелить ему нечего и нечем
накрыться,

Темной ночью лежит на ступеньках дре-
него храма,

Под голову кладет половинку битого
кирпича,

Под себя постелил половинку рваного
менка,

Голову опустил к коленям,
Словно и живой, да не двигается,

Словно умер, а еще дышит.

Выгнула ноги, закатил глаза,
И спит ему, как он подошел к воротам
ала.

Третью стражу барабан бьет, три с поло-
виной часа.

Чухуэ йитё ходахан,
Зуэргы вэ жян яи зэ Наммын вэ,
Жиргы шонли вошчэнтэ.

Вовчэнтэшоп воица кан,
Води шыныи хо кэляи,
Хуои гу дын лэ, хи гу кав,

Нлижянжуэ гуялиги бужян мян,
Чуянди жыр можянгуэ,

Шэчэуыи мян жэ, шы буге.

Пропал из-за курения хороший парень.
Вчера видел тебя за Южными воротами,
А сегодня поднялся на вошчэнтэ¹⁶
[т. е. умер].

С вошчэнтэ смотрю вниз,
Я действительно достоин сожаления.
Желтая собака смотрит на меня, чер-
ная собака глядит,
Закатились глаза, не видно лица,
Курение опиум, не смотрите с удивле-
нием,

Эта маленькая песня называется «Де-
сять не должны».

Эта песня, как и многие вышеприведенные, является, по словам самого исполнителя, произведением общим для китайцев и дунган, имевших один общий язык, общую экономику и историю. По свидетельству акад. В. П. Васильева, даже ислам, кото-
рый исповедуют дунганы, так приспособился в Китае к местным условиям, что не очень от-
деляет душан от китайцев¹⁷. Та же тема раскрывается и в песне «Курительщик опиума»
(Янгуэй), широко известной среди дунган и записанной еще В. И. Цибугакиным¹⁸.

К историческим песням близка и другая группа песен, называемая в китайской фольклористике *шо гу жэнь гушиди* «песни о героях древних легенд и сказок». Мно-
гие из этих героев действительно исторические лица, например, популярные в народе
герои эпохи Троецарствия (202—264 гг.): Чжугэ Лян, Цао Цао, Лю Бай и дру-
гие. Из песен, относящихся к этой группе, нами записана песня о Вон Бо-чуан — ге-
роине известной дунганской и китайской народной сказки «Сюэ Пин-гуэй возвращается
и пещеру» (Цюэ Пин-гуэй хуэй ё)¹⁹. Песня «Дикий гусь несет письмо» (Гуйэн со фуй)²⁰
рассказывает о том, как к тоскующей Вон Бо-чуан, которая уже восемнадцать лет пла-
чет о своем муже Цюэ Пин-гуэ, прилетает дикий гусь, чтобы помочь ей и передать
восточку ее мужу.

В дунганском и китайском народном творчестве различные жанры и группы внутри
одного и того же жанра очень тесно связаны между собой. Так, герои сказок воспеваю-
тся в песнях, о них же создаются народные драмы; в трудовые песни нередко впе-
таются элементы любовной лирики, а в песни о героях народных легенд и сказок —
лирические или трудовые мотивы. Таким соединением песни о героях народных легенд и
любовной лирики является песня «Чилин»²¹, или называемая иначе «Семья Ган» (Йян-
я, пок. чтения Янцзя)²². Песня в различных вариантах широко бытует в Северо-За-
падном Китае под названием «Генералы из семьи Ян» (Янцзя цзян).

¹⁶ *Вошчэнтэ* (望鄉台) — башня в аду, с которой грешники смотрят на свою
родную деревню.

¹⁷ См. В. П. Васильев, О длиннопини магометанства в Китае, СПб., 1867, стр. 21.

¹⁸ См. «Семиреченские областные ведомости», 1897, № 55.

¹⁹ Это одно из наиболее популярных среди дунган фольклорных произведений, во
многих домах висят рисунки на мотив этой сказки; чаще всего изображается эпизод
возвращения Цюэ Пин-гуя в пещеру, к своей первой жене Вон Бо-чуан, которую он
не видел восемнадцать лет. Эту же сцену вышивальщицы изображают и на подушках и
на одежде. Так, в селе Миланфан у Хавазы Самэ нами приобретены дунганские жен-
ские туфли (хуахэ), на которых вышиты три эпизода из этой сказки.

²⁰ По китайским и дунганским народным представлениям, дикий гусь — сим-
вол письма, или восточка.

²¹ *Чилин* — название мифического животного — единорога. Сейчас *чилин* вос-
принимается дунганцами как жираф. Такое же значение получило это слово и в япон-
ском языке (в яп. чтения *кирин*).

²² Песня «Чилин» записана нами от плотника колхоза им. М. В. Фрунзе Мацяи-
сына Лугумы (53 лет), большого знатока дунганских, киргизских, казахских, татар-
ских и русских народных песен.

¹³ 陕甘寧老根據地民歌選 Шанхай, 1953, стр. 43.

¹⁴ Записана нами от жители города Фрунзе, уроженца провинции Синьцзян, Чжоншолю (60 лет).

¹⁵ Ч'умыр жын Бук. 'человек, ушедший из дома', имеется в виду бедняк, отпра-
вившийся на родных мест на заработки.

Подобные песни фольклористы относят к жанру *хуар*. Они характеризуются тем, что по сюжетной линии фактически получается не одна песня, а две. Первая рассказывает о семье Ен — две начальные строки всех куплетов, а вторая — из конечных строк всех куплетов-четверостиший — представляет собой образец обычной любовной лирической песни. В Китае в провинции Ганьсу песни жанра *хуар*, как правило, поются девушками и юношами. Начинают юноши, каждый по одной строке, продолжают девушки, тоже каждая по строке²³. У среднеазиатских дунган нет хороших песен, за исключением созданных после Великой Октябрьской социалистической революции, а все старинные песни жанра *хуар* приспособлены к сольному исполнению.

Изложению событий предшествует куплет, являющийся своего рода запевкой:

Икүэр бый зы сысы фон,	Кусочек белой бумаги, четыре-четыре угла,
Ня ги во зыхон шехон,	Ты для меня напиши на бумаге,
Икя жу ди са дифон,	Семья Ен, где живет,
Цинцир ги во шехон.	Подробно напиши для меня.
Видало лин бин Шисанпа,	Ен старший ведет солдат к западным горам,
Саяпэни ба бин дяили,	В западных горах делает проверку солдатам,
Мими дехали щенсыр биц,	Любимая заболела болезнью щенсырбин ²⁴
Да шансын кан бухоли.	Известный врач вылечить не может.

Далше в песне поется о других представителях доблестной семьи Ен, причем каждому посвящено по две строки в куплете.

Примечательно, когда слушателю дается только намек на известное ему событие, связанное с делами героев устного народного творчества, очень характерен для фольклора дунган. Например, в песне «Цинцзю до жу анянь» каждый из тринадцати куплетов говорит об определенном народном герое. Так, в четвертом куплете говорится об уже известной слушателю Мын Чжи-нью, которая узнает, что ее мужа убили у Великой китайской стены; при этом у слушателя в уме сразу возникает и песня об этой женщине и сказание о ней и ее муже²⁵.

Важное место в народном песенном фольклоре занимает трудовая, чаще всего крестьянская песня. Основное занятие дунган — земледелие, поэтому образ земледельца фигурирует в дунганских народных песнях. Такова песня «Земледелец» (Жуон-жыхан)²⁶, где подробно рассказывается о труде крестьянина:

Жыньцзюни чинмин, эрцзюни хан,	В январе «ясный свет», в феврале холон.
Сайцзюан монбуугуы жуонжыхан,	В третьем месяце все хлопочет земледелец,
Хуэ бошонгы литу, шу тиюн цян;	К груди прижал соху, в руке несет лопату.
Жяцзюшон даншон лихуажян,	На плече несет лемех,
Жяцзюшон даншон лихуажян.	На плече несет лемех.

Далее говорится о том, как он запрыгает волов и пашет свое поле, не замечая, что уже время обедать.

²³ См. 張道雄 о 花兒集 (Чжан Я-сюн. Жанр хуар). Ляньчжоу, 1948.

²⁴ Щенсырбин — болезнь, постоянно упоминающаяся в дунганском фольклоре; возникает она у женщин от тоски по любимому человеку, который находится где-нибудь далеко и не может увидеться с любимой.

²⁵ Краткое изложение легенды см. в кн. 鄭振鐸 中國文學論集 (Чжэн Чжэнь-до. Сборник статей по китайской литературе). Шанхай, 1936, стр. 688 — 689.

²⁶ Записана в селе Милифан от Лома Якуба, колхозного счетовода, большого знатока народных песен, автора нескольких новых песен и небольших пьес для самодеятельности.

Земледелием занимались дунгане-мужчины, а женщины вели хозяйство. В свободное время вышивали, создавая прекрасные образцы народного прикладного искусства. Вышивание описано в дунганской песне «Вышиваю подвески» (Шю хабор)²⁷. Девушка поет о том, что ее любимый прислал письмо, в котором он просит ее вышить для него подвески. Но у девушки нет ниток, и она советует уличного торговца, чтобы купить себе ниток и иглол для вышивания. Потом она подробно перечисляет обычные сюжеты народной вышивки, которую она делает для своего любимого. Тут и герои народных исторических повествований, как то: Чжугэ Лян, Чжан Фэй, Цао Цао, здесь и обычный сюжет дунганской вышивки — *фынцзюи ши модан*. Феникс ревится среди пионов²⁸. Различные варианты этой песни очень широко известны во всем Северо-Западном Китае. Многие из них уже собраны и опубликованы китайскими фольклористами; только в одном «Сборнике народных песен старого освобожденного района Пеньши — Ганьсу — Нинся» помещено двенадцать вариантов песни «Вышиваю подвески».

Лирические песни дунган — в большинстве своем сложены женщинами. Обращает на себя внимание ярко выраженная антифеодалная направленность этих песен. Жизнь женщины-дунганки из-за строгостей религиозных мусульманских обычаев была гораздо тяжелее жизни китайских женщин. В старом, феодальном Китае девочка-дунганка в девять-десять лет становилась затворницей, ей запрещалось выходить из дому, ходить одной в гости, присутствовать там, где собирались мужчины (в богатых домах для девочки строили башню (цэхуалу), в которой она до самого замужества жила под приглядом няньки). Выйдя замуж, женщина формально получала относительную свободу. Но что это была за свобода, если женщине приходилось работать с утра до ночи и постоянно слышать брань и терпеть побои свекрови. Бывали случаи, когда девушку выдавали замуж за урода, или за десятилетнего мальчишка, или за дряхлого старика. Все законы феодального общества требовали от женщины беспрекословного подчинения мужу и всей его родне. Ища выход, женщина нередко находила себе возлюбленного. Это отражено во многих дунганских песнях.

Несомненный интерес представляет дунганская песня «Любимый Маву» (Мавуго аг)²⁹, которая распространена в Северо-Западном Китае. Как отмечают китайские фольклористы, события, отраженные в песне, произошли в 1880 г., в провинции Ганьсу³⁰. Песня воссоздает образ девушки, которую насильно выдают замуж за маленького мальчишка. Девушка поет о ненапастном ей женихе, приписывая ему все известные ей уродства и пороки:

Хэжуди чыни жу до го,	В городе Хэчжоу девять улиц,
Сунжяди нувазы хо жинцэ,	В семье Сун девушка хороша,
Жиргы чи ла, миргы ба,	Сегодня седьмое, завтра восьмое,
Кэкеди нанмын, нуцур га,	Открыла южные ворота ³⁰ , [вижу] жених мал,
Нуцур га ла по бую ин,	Жених мал — не страшит меня,
Тади жибн жугода,	У него на спине горб,
Жугада ла по бую ин.	Горб не страшит меня.
Тади нянжин луобуха	У него на глазах бельма,
Лубуха ла по бую ин,	Бельма [у него на глазах] не страшат меня,
Тади гоби ляндоба	Его рука, как ручка у серпа,
Ляндоба ла во бую ин,	Ручка у серпа — не страшит меня,
Тади цинчон б хо я!	У него душа не хороша! ³¹

²⁷ Записана в селе Милифан от учителя Фушанлю Шялаи.

²⁸ Записана в селе Милифан от Машенло Лугумы.

²⁹ См. Чжан Я-сюн. Указ. соч.; 紀業 о 青海民歌選 (Цзи Е. Сборник народных песен провинции Цинхай). Пекин, 1955.

³⁰ В Китае ворота обычно обращены к югу.

³¹ В тексте, приводимом Чжан Я-сюном, этот отрывок отсутствует.

Дальше следует описание того, как девушка встречается с юношей по имени Маву, который ей давно нравятся. Песня рисует взаимоотношения женщины со своим любимым. Но женщина тяготится тем, что ей приходится скрывать свою любовь от постылого мужа и его родни: она упрямивает Маву убить ее мужа. Однажды ночью они приводят свой план в исполнение. Но, перелезая через стену, Маву по неосторожности роняет во двор туфлю. Несмотря ни на какие объяснения женщины, свекровь подает на Маву в суд. Маву прячется в погребе, но пришедшие стражники догадываются, где он, и схватывают его. Женщина дает взятку, сердце уездного начальника смягчается, и он прекращает дело. Но вскоре Маву снова схватывают и отправляют в главный город провинции Ганьсю — Яньчжоу, где он предстает перед судом. Судья велит привести и женщину, которая любила Маву, казнь их и заканчивается песня. Эта песня — яркое проявление протеста женщины против феодальных порядков, против бесправия женщины. Но протест этот, также как и протест, выраженный в других песнях, несет в себе элементы ограниченности крестьянской идеологии. Женщина не может подняться выше того, чтобы ругать сватов и проклинать родню мужа, или найти любовника, и самое большее — убить своего мужа.

Наиболее популярные песни такого рода «Из-под Южного моста носит воду» (Нанчёр дан фи) и «Десятилетний муж» (Шысур лон)³². Первая из них рассказывает о девушке, выданной замуж за мальчика, потому что семье мужа нужен был бесплатный работник. Девушка поет о том, как ей живется в семье мужа, и сравнивает эту жизнь с жизнью в родном доме.

Дальше следует описание того, как трудно ходить по воде женщине с изуродованными бинтованием ногами. (Эта картина встречается почти во всех дунганских песнях о женском труде.)

Йитян дан фи, сышы дан,
Зочы дан фи, —лүфи да,
Шонву дан фи, жэ нан дон,
Хухон дан фи вычун дуо,
Ва, гүнён, дан фи наншонпан!

В день пошу воду сорок раз,
Утром пошу воду — роса большан,
В полдень пошу воду — жара нестерпиман
В сумерки пошу воду — комаров много.
Мне, девушке, носить воду, ох, как трудно!

О тяжелой жизни девушки, выданной замуж за десятилетнего мальчика, рассказывает и вторая песня:

Вожа сылле гуо шыба,
Юлыгы щивлон шысурди лон,
Чинэо чи ванфа, бүү хуэй жя,

И жила дома (от рождения) до 18 лет.
Вышла замуж за десятилетнего мальчика.
Чуть свет идет играть, но возвращается
домой.

Чы фан бүү жы во бо,
Фижэ бүү жы динцэрдян,
Фидо бан-ени, нёичили чуон.
Жонкэ хун лины, дали йнгы
баждо,

Ест — не знает, сыт он или голоден,
Спит и не знает, где высоко, где низко.
Спал до полночи, надела в кровать.
Открыла краеное одеяло, шлепнула
разок,

Жёли йшын жеже,
Дали жунди, жёли йшын чиншён.
Мали йшын минэо:
Ба нүү вышыммо юли жымүү йнгы лон.
Чыли жынжиди жули,
Хали жынжиди жуо,
Жүү ни хэ йнгы сохуон.

Стал звать старшую сестру,
Ударила сильнее, стал звать мать.
Стала ругать слаху:
Зачем нашла мне такого мужа,
Ела у меня дома мясо,
Пила у меня дома вино,
Чтоб тебе от меня получить зоб.

³² Обе песни записаны в селе Миллифан от Давузона Хувазы.

Случай, описанный в этой песне, был типичным для старого феодального Китая³³. Последние слова песни — проклятия слахе; аналогичную концовку мы находим и в других старинных дунганских и китайских песнях³⁴.

Нищета и частые неурожаи в Северо-Западном Китае вынуждали дунганскую бедноту уходить на заработки в другие провинции, в города, далеко отстоящие от родного дома. Этот уход ободневших крестьян из родных мест также нашел свое отражение в песенном фольклоре дунган. Отсюда появление таких песен, как написанные нами «Человек, ушедший из родного дома» (Чу мын жыш); «Размышление ночью» (Вугын пандо); «Двенадцать месяцев в разлуке с любимым» (Пызэр ли чин).

Эти песни, кроме последней, рисуют образ человека, тоскующего по своему родному дому, по семье, оставшейся где-то далеко и ждущей хозяина. Но у него нет денег, чтобы вернуться домой, и только во сне он может встретиться со своими домашними:

Вүжиниц гүлр мин,
Вүжиниц гүлр мин,
Фи до бан-ени
Зүлгиты нангор мын,
Зүлгиты нангор мын,
Хуэйчиму до жяжун,
Мүчи вон чин йш,
Жяжын шё йшйин,
Сансуйди хэзы
Лу зэ хуэжун.
Жавар жё, тян мин,
Жичилё йчон кун³⁵.

Пятую стражу барабан бьет.
Пятую стражу барабан бьет,
Спал до полуночи,
Приснился хороший сон,
Приснился хороший сон,
Вернулся [я] домой,
Мать выходит вперед встречать,
Весело смеется жена.
Трехлетнего ребенка
Я прижал к груди.
Кричит петух, светлеет небо,
Проснулся — пусто вокруг.

Подобные песни состоят, как правило, из пяти куплетов в соответствии с разделением ночного времени на пять двухчасовых страж. Эта композиция зародилась в солдатских песнях, которые солдаты пели, стоя на часах глубокой ночью. Отсюда и почные стражи и глубокая тоска по родному дому, пронизывающая все эти песни. Китайские фольклористы указывают, что такие песни, называемые по-китайски *у ван дяо*, а по-дунгански *вэичичу* (пять ночных страж), появились впервые в эпоху Сун и были включены в собрание песен и стихов той эпохи³⁶.

Дунганские песни *вэичичу* строятся обычно на описании сна человека. Ему снится то, что он хотел бы видеть: родных, жену, детей, богато убранный стол, но... кричит петух, бедник просыпается — кругом пусто. Почти все такие песни и заканчиваются строкой *шичилё — йчон кун* 'проснулся — пусто вокруг'. Дунганские песни этого жанра поются от лица мужчины, ушедшего из своего дома, тогда как в аналогичных китайских песнях описываются страдания оставшейся дома женщины. Так, среди тринадцати подобных песен, помещенных в «Сборнике народных песен старого осво-

³³ Аналогичная ситуация положена в основу рассказа современного китайского писателя Гу Юя «Рано сорванный плод горька». См. сб. «Рассказы китайских писателей». М., Гослитиздат, 1952.

³⁴ Об этом ницет и Хэ Ци-фан в своей статье «О народной песне». «Жэньминь вэньсюэ», 1950, № 13, стр. 18.

³⁵ Записана нами в селе Миллифан от колхозного мирба Сумапо Ясызы. Подробнее о нем см. С. Гарин. Миллифан — долина риса. «Новый мир», 1952, № 6.

³⁶ Примеры подобных песен, относящихся к династии Тан, приводит проф. Чжэн Чжэнь-до. Разбирая песню «Тань угэн» (Вадыхаю во время пяти ночных страж), он говорит, что форма этой песни отличается от формы современных песен, в которых события излагаются по стражам, однако их композиция все же во многом сходна (см. 鄭振鐸. 中國俗文學史. История китайской протонародной литературы. Пекин, 1954, т. 1, стр. 136). Развивая мысль Чжэн Чжэнь-до, мы можем предположить, что эти песни являются преобразом современных и что от них-то и берут свое начало современные китайские и дунганские песни этого типа.

божденного района Ганьсу—Шьяньс—Нинся», нет ни одной, описывающей горестные мысли мужчины в чужих краях. У дунган же есть только одна песня «Двенадцать месяцев в разлуке с любимым» (Шьер ли чин), где идет речь о молодой женщине, страдающей в разлуке. Она, как и другие героини известных нам произведений дунганского фольклора, будучи разлучена с любимым, заболевает болезнью *цзёньсэрбин*. Только возвращение любимого излечивает ее, и, радуясь встрече, она называет его *хуэ шицзиняи* — живой бессмертный (по словам дунган, бывавших в Северо-Западном Китае, так называют тех, кто благополучно перебрался через населенные сухие степи, отделяющие населенную часть Ганьсу от населенной части Сяньцзяна).

Кроме перечисленных песен, у дунган имеются и песни, пришедшие из китайских народных песенно-танцевальных представлений — «янг». По рассказам стариков, «янг» как представления у дунган никогда не были распространены, поскольку этому мешали различные религиозные запреты. Но песни из «янг» исполняются дунганам. Это и не удивительно, так как томатина старых «янг», тесно связанная с сельским хозяйством, была очень близка дунганам, жившим среди китайцев. Примером может служить песня «Девушка Хохозы» (Хохозы жер). Песня не имеет конца, каждый поющий прибавляет от себя различные куплеты, связанные между собой общей формой. Первоначально эта песня была создана китайцами и исполнялась девушками и мужчинами по очереди, отсюда и характерная форма вопросов и ответов. У дунган же эту песню, как и другие песни, предназначенные для двух человек, поет всегда один. В песне поется про птиц, про животных, про арбузы и дыни, про людей — одним словом, про все, что окружает певца. Каждый исполнитель, как правило, импровизирует и создает новые и новые куплеты. В этих песнях проявляется национальная специфика дунган как исполнителей, превращающих песни хоровые в сольные с ярким импровизационным моментом.

Песни-плачи (по-дунгански *куччэи*), как и дунганские песни почти всех жанров, очень сильно тяготеют к лирическим песням. Наиболее распространенными являются два плача, мужской и женский. Первая песня-плач носит название «Вдова идет на могилу» (Нануафу шон фы), вторая — «Вдова идет на могилу» (Нигуафу шон фы)²⁷.

Песня вдовца во многом напоминает уже приводившуюся нами песню о Мын Цзяншуй, которая оплакивает своего мужа, угнанного на строительство Великой стены. Изложение событий в этом плаче также идет по месяцам. Одинокий вдовец поет о том, как трудно ему одному воспитывать детей. Он видит вещи, оставшиеся от жены, и вновь и вновь вспоминает мать своих детей:

Вуйцэ зыи ла вудуан ёи,
Чинфи хэшон бэ йншон
Жинцзяму бэ йи, шии чуншон,

Ва нануафу бэ йншон, няли
гушён.
Дакэ йнфон хэ, хэ зэ жя,
жын буй за,
Чуанхэди жынсы вавади пён.

В нитом месяце — Праздник дракона.
В чистой речной воде полощу одежду.
Другие полощут одежду, сами будут
носить ее,

Я же вдовец, полощу одежду, складываю
в сундук.

Достал я туфель, туфли дома, а ее нет.

Та, что носила туфли — мать моих детей.

Все, что бы ни увидел вдовец, напоминает ему о жене: вот в саду распустились астры, хочется ему сорвать цветок, да ведь не для кого, нет того человека, который украшал ими свою прическу. Песня эта часто поется дунганам в минуты горя.

Интересно отметить, что в известных нам собраниях китайских песен Северо-Западного Китая не зарегистрирована подобная песня, исполняемая от лица мужчины, тогда как вариант женской песни-плача «Вдова идет на могилу» находим в них более десятка. Здесь мы наблюдаем случай, аналогичный описанному выше, когда речь

²⁷ Обе песни записаны нами в село Ирдык от школьного учителя Магиева Рамазана, собравшего в 30-е годы много народных песен. Часть этих записей хранится в Институте языка и литературы Академии наук Киргизской ССР.

шла о песнях крестьян, уходивших на заработки. У китайцев бытуют только женские песни, а у дунган — и женские и мужские.

Женский дунганский плач-песня во многом напоминает китайский. Эта песня вообще противоречит всем дунганским обычаям, касающимся похоронных обрядов. У дунган, например, женщины не имеют права бывать на кладбище. Они проносят похоронную процессию до середины пути, а потом обязаны повернуть назад. А в песне «Вдова идет на могилу» как раз и описывается момент посещения женщиной могилы своего мужа. Женщина несет с собой чайник с вином и бумажные деньги, а дунганам вообще ислам запрещает пить вино; сжигать же бумажные деньги на могилах у них тоже не принято, это чисто китайский обычай, хотя он и упоминается во многих дунганских народных песнях. Это лишний раз подтверждает, что дунганские и китайские народные песни, как и другие жанры устного народного творчества, находятся в такой тесной связи, что рассматривать один в отрыве от других совершенно невозможно.

Шуточным и сатирическим жанром в дунганском песенном фольклоре могут считаться *дачжирди*, которые во многом близки к китайским народным песням, известным под названием *куайбань шигэ* (для них характерны импровизация, очень быстрый темп исполнения, почти скороговорка, лаконичность). Песни *дачжирди* имеют определенную социальную значимость. Одни песни направлены против мусульманского духовенства, в них высмеивается жадность муллы, который *чы жуафан, гуо ди оали* 'ел плов и сломал дно казана' (имеется в виду: 'проскреб насквозь'); другие рассказывают о том, что крестьяне голодают, а у помещика амбары полны зерна. В песне, записанной нами в село Ирдык от Манчын Хура, говорится о том, что, когда крестьяне попали на усадьбу, помещик выскочил к ним и начал грозить расправой, во крестьяне не испугались его. Содержание многих *дачжирди* шутовое, например:

Чиди цон-йини, жуади зуи,
Зуамяр ю на бязы лыи,
Йи лыи, лылиги дыла кун.

Верхом на мухе, держусь за грибу,
Слева стегнул кнутом в воздухе,
Стегнул кнутом, поднялся ввысь.

Кроме шуточных песен этого жанра, необходимо отметить и сатирические песни типа «Пара быков»²⁸, где рассказывается о бедняке, которого преследовали различные беды.

Устное народное творчество советских дунган исключительно богато и требует неосторожного изучения. В настоящей работе рассмотрены только песни дунган, созданные до Великой Октябрьской социалистической революции. Можно с полной уверенностью сказать, что песенное творчество дунган имеет общее происхождение с китайским фольклором и развивалось вместе с ним до момента ухода повстанцев-дунган из своих родных мест в пределы России. Общность экономической и культурной жизни и языка китайцев и дунган в период их жизни в Китае дает возможность поставить вопрос о их совместном творчестве в области фольклора. По устному народное творчество дунган характеризуется и своими особыми чертами. Эта специфика проявляется в первую очередь в отборе материала, распространении песен и их исполнении. У дунган все песни, независимо от их первоначального назначения, превратились в сольные. Так же исполняются ими и народные драмы, предназначенные для нескольких голосов и действующих лиц. Вместе с тем среди дунган по распространены многие произведения, бытующие во всем Китае. Так, например, известны среднеазиатским дунганам песня и сказание о генерале Су У. Это также свидетельствует о своеобразии фольклорного репертуара дунган. Детальное изучение дунганского народного творчества и его специфики — одна из тех задач, которые могут быть успешно выполнены только путем тесного сотрудничества советских и китайских фольклористов.

²⁸ Перевод песни см. Х. Юсупов и В. Шагматов. Дунганские сказки. Алма-Ата, 1946, стр. 15—16.